

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б72

Серия «Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой»
Дизайн обложки: Юлия Межова

Бобылёва, Дарья Леонидовна
Б72 Вьюрки / Дарья Бобылёва.— Москва: Издательство АСТ,
2020.— 412, [2] с. (Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой).

ISBN 978-5-17-132708-8

Скрыться на время от безумия внешнего мира среди уютной зелени — мечта, сладкий сон... кошмар!

Что, если ты НИКОГДА не сможешь покинуть свою дачу?

Связи нет, дорога упирается в лес, соседи ведут себя странно, и лето — чертово лето! — никак не кончается...

Роман вошел в лонг-лист премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Интерпресскон» и получил премии «Новые горизонты» и «Мастера ужасов».

© Дарья Бобылёва, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дачный ужас

У Дарьи Бобылёвой в литературе талант ведуньи — она вхожа в темную память самых обычных квартир, она чувствует морок в привычных отношениях, ей ведомы страшные тайны среднестатистических городских семей. Роман «Вьюрки» — вершина ее мистических вылазок на изначальную сторону повседневности: цветущая книга о лете, превращенном в метафору забвения. Это книга дачных сказок, меняющих смысл идиллической летней картинке с грядками, рыбалками, прогулками по грибы, добрососедскими дружбами и сплетнями, дачными романами и загородным детством.

И прежде всего этот роман переворачивает смысл слова «соседи» — потому что соседями жителей дачного поселка Вьюрки внезапно оказываются чужаки, вторженцы, которых разглядеть, опознать и назвать по издревле известным именам способен только один человек — рыбачка Катя, молодая девушка со странностями и непросто семейной историей.

Дарья Бобылёва написала фольклорный триллер, в котором водяные, лесные, домовые существа не выглядят такими уж нелюдями в сравнении с дачниками, готовыми

извести друг друга за компост и сорняк, по навету или от тоски. Роман «Вьюрки» — книга остроумных колдунств, показательных превращений, сказочных квестов, за которыми, однако, чувствуется грусть и сожаление, которые рождаются от беспристрастного наблюдения и тонкого понимания людей. В своем волшебном летнем романе Дарья Бобылёва выступает внимательным реалистом и нравоописателем — во всем, что касается человеческих отношений.

Этот роман поэтому можно читать на нескольких уровнях. Как яркую копилку летних впечатлений, с которой приятно заново пережить самые беззаботные недели года. Как страшную сказку с загадками, показывающую дачную жизнь с той стороны, которая не видна человеческому глазу. Или как психологическую притчу о том, что делают с человеком подавленная обида, скрытое недоброжелательство и тайный страх, когда он теряет над ними контроль.

В романе Дарьи Бобылёвой человек — самовозгорающаяся спичка, которая только ждет, чтобы чиркнуть о магическую черту. Если у этой сказки есть мораль, то она в предупреждении, как не залясть, не вывернуть наизнанку, не подменить лесным ужасом собственную жизнь.

Валерия Пустовая

Исход Валерыча

За Валерычем увязался Никита Павлов и не отставал долго, до самого поворота. Все отговаривал, размахивал длинными руками, а физиономия его, сохранившая алкоголическую отечность, аж вспотела от серьезности ситуации.

— Иди-ка ты знаешь куда,— отечески похлопав Никиту по плечу, сказал наконец Валерыч.

Далеко не все во Вьюрках знали, как и звать-то Валерыча на самом деле: Валерьевич он или просто Валерий, а может, даже и Валерьян. Был он пожилой, косолапый, основательный. Участок здесь получил еще отец Валерыча, военный в солидном звании. Но при нем участком не занимались, использовали под картошку, да и то не каждый сезон. Отец предпочитал санатории, и слово это до сих пор вызывало в памяти Валерыча зыбкие тени пальмовых лап и мраморной лестницы на желтом фоне. Потом доступ к санаторной роскоши закрылся, а вскоре после этого Валерыч унаследовал огороженный пустырь во Вьюрках и решил, что будет у него тут родовое гнездо, место семейного отдохновения. Денег для воплощения дачной мечты, правда, не хватало, но Валерыч был рукастый и упорный и обладал вдобавок даром так

приспособить в хозяйстве какую-нибудь неожиданную вещь, что все потом восхищались его смекалкой. И росла архитектурно непредсказуемая, но крепкая дачка, строясь бог знает из чего, включая списанные шпалы. Дорожку к дому, песком посыпанную, Валерыч отделал зубчиками из ломаного кирпича, беседку соорудил из каких-то арматурин, которые быстро оплелись девьим виноградом и обрели культурный вид. На грядках, которые Валерыч обустроивал с рулеткой и чуть ли не с уровнем, все произрастало ровными шеренгами, и не смела свекла затеяться, скажем, в петрушку, а тыква — расплестись среди капусты.

Только родовое гнездо не получилось — открылся доступ к другой роскоши. Дети катались по заграничным пляжам, и единственную внучку, ради которой Валерыч растил лучшую клубнику сорта «Королева Елизавета», мотали с собой. Но Валерыч все равно переселялся во Вьюрки с весны, достраивал, возделывал и ждал, когда дети поймут наконец, что дача — это гораздо лучше, чем сидеть в своем огороженном «олл инклюзиве», как на зоне.

За поворотом дорога шла вдоль реки Сушки, и Никита отстал из-за этого в первую очередь, а вовсе не из-за того, что был послан в известное место. А Валерыч отправился дальше. Красное лицо его от спокойной решимости стало даже красивым, как у старого капитана.

На реку он старался не смотреть. Изучал одуванчики под ногами, торящих свой слизевой путь улиток. Заметил пробивший полупесчаную, не подходящую совсем почву подберезовик — с мизинец, а уже шляпка раскрытая, натуральный лилипут. Нагнулся к нему машинально, хмыкнул — и скользнул случайно взглядом по берегу, на

котором темнела сгорбленная фигура. В груди скакнуло, и Валерычу показалось на миг, что он не может уже отвести глаз, тянет оно его, требует рассмотреть, удостовериться — и испугаться уже окончательно. Было в этой фигуре что-то лишнее, нечеловеческое, будто она готова была в любой момент изломиться пополам, вывернуться, побежать к Валерычу на ломких многосуставчатых лапах...

И тут у Валерыча на глазах силуэт растворился, разошелся на корягу, тень от ивы и болтающийся на ветке пучок увядших водяных кубышек, который и добавил живого движения. Валерыч ругнулся и запустил в пугало подберезовиком. У берега слабо хлюпнуло.

Кого ему, в конце концов, было бояться? Что эти, из реки, могли сообщить ему такого, чего он не знал? Валерыч достал заготовленные беруши — строительные, из тех, что валялись в одном из шкафов про запас, — ввернул в уши и пошел дальше. Вдоль реки и пройти-то надо было совсем немного.

Валерыч помнил, когда и как все это началось. В конце июня, двадцать первого числа, — как раз на летнее солнцестояние. Предзнаменований никаких не наблюдалось: ни аномальных природных явлений, ни предчувствий, ни необычного поведения домашних животных. Разве что накануне вечером Светка Бероева, обитательница самого большого во Вьюрках дома, прилюдно наорала на няню своих детей Наргиз. Наргиз забыла завести часы с боем, чинно, по-европейски сзывавшие семейство к столу, и в итоге дети Бероевых, чернявые мальчишки-погодки, поужинали не вовремя. А у Светки все, связанное с детьми, было по строгому, полезному для здоровья расписанию. Наргиз возражала, что завела она эти часы,

как обычно,— они просто старые и, наверное, сломались. А потом лягнула, что поужинать на полчаса позже — это нестрашно.

— Были бы у вас свои дети, вы бы понимали! — крикнула в ответ Света, умудрившись даже на повышенных тонах сохранить демонстративно уважительное обращение, и захлопнула наконец калитку, после чего увлеченные скандалом дачники вновь склонились над своими грядками.

А Наргиз повела детей гулять перед сном, и ее гладкое, как яичко, лицо было непроницаемо, только губы шевелились — бормотала что-то на своем языке.

Валерыч скандал, конечно, тоже послушал, но без особого интереса — он поливал кабачки. Да и остальные соседи, хоть и были по большей части людьми советской, антиэксплуататорской закалки, отнеслись к Светкиному визгу снисходительно. Недолюбливали дачники Наргиз — за то, что понаехала, за тихую непонятливость, за акцент, самые обычные слова порой превращавший в бесформенные комки звуков. А Светку, как ни странно, жалели. Деловой человек Бероев, построивший во Вьюрках целую кирпичную виллу и покупавший Светке всякие сказочные вещи, считался в садовом товариществе кем-то вроде Синей Бороды. Первая жена его просто пропала — однажды он приехал в летние владения без нее, а расспрашивать молчаливого Бероева никто, конечно, не стал. Со второй, родившей дочку, он, по сведениям дачниц, без затей развелся, но обделил при разводе сильно: ничего почти не оставил прежнему семейству. Во Вьюрках считали, что зря Света ходит королевишной, зря считает, что получила обеспеченного — неизвестно, чем дело кончится. А Света действительно ходила гордая,

поправляя невесомые очки на тонком носике и изящно перебирая глянцево-гладкими ножками.

Потом Света простила Наргиз и даже одарила умеренно крупной купюрой — об этом Валерыч узнал от гуляющих вдоль забора соседок, которые лениво обсуждали хоть какое-то, но событие. Валерыч закончил полив огорода и пошел перекусить, а за ужином заметил, что его часы последовали примеру бероевских и встали. Подкрутил — молчат, и конденсат на стеклышке собрался. Валерыч положил часы у печки в надежде, что просушатся и оживут, и решил укладываться — пока дачный душ наладишь, пока считаешь...

Потом, придирчиво разбирая предшествующие события на фрагментики в надежде хоть что-нибудь эдакое там найти — не считать же предвестниками сломавшиеся часы и скандал у Бероевых,— Валерыч вспомнил, что ночью его вроде как разбудил какой-то звук снаружи, громкий и тугой. Даже уши заложило. А может, странный звук Валерычу приснился по причине заложенных ушей. А может, все причудилось, и не просыпался он той ночью вовсе.

Дорога вдоль реки наконец кончилась — точнее, привела Валерыча к забору, некогда ограждавшему Вьюрки от внешних беспокойств. Валерыч огляделся — кругом покачивались травяные метелки, на берегу кропили мелкими слезами плакучие ивы. На угловой даче, почти не видимой за живой изгородью, деловито стучали тяпкой. Валерыч откашлялся зачем-то и начал раздеваться, аккуратно складывая на траву штаны, дачную рубашку с нехваткой пуговиц, трусы. Согласно его не то чтобы очень оформленной, но требовавшей решительных действий теории,

все, что побывало здесь, могло ему помешать. Он, правда, и сам пробыл здесь изрядное количество времени, но одушевленная материя, безусловно, имела иные свойства. Главными из которых, по мнению Валерыча, были воля и разум. Насчет ушных затычек Валерыч задумался, а потом все-таки оставил их: в любой момент можно выкинуть, да и маленькие они, незначительные совсем.

Голый Валерыч был многоцветен — от белоснежного до сизо-багрового. Вид он теперь имел не бравоморяцкий, а мягкий, уязвимый, как выломанная любознательным мучителем из панциря улитка. Неожиданно для себя размашисто перекрестившись, Валерыч отодвинул засов, толкнул створку ворот и шагнул наружу.

За воротами был обычный пригородный пейзаж: желтое от сурепки поле, по правую руку — река, на горизонте впереди топорщился лес, а по левую руку, довольно далеко, — коттеджный поселок, на строительство которого в свое время дорожившие своим уединением вьюрковцы сердились.

Валерыч отломал от согнувшегося у самых ворот дерева палку и пошел налево, к поселку.

Тогда, утром, его разбудил женский вопль. Окончательно, что ли, Света свою Наргиз убить решила, подумал Валерыч спросонья. А вопила действительно Наргиз — это Валерыч понял, когда вслушался. По-восточному тоненький голосок надрывался:

— Дорога ушла!

О как, подумал Валерыч, спятила все-таки. И сложно сказать, отчего это «все-таки» добавилось.

А когда Валерыч, неторопливо сделав гимнастику и позавтракав, вышел из своей дачки, на пяточке за забором

уже топтались люди. И Бероевы тут были, и Никита Павлов, тихий молодой алкоголик, и непримиримый, всегда будто готовый прыгнуть на собеседника пенсионер Кожебаткин, и председательша Клавдия Ильинична, плавная и величественная, и другие дачники.

— Молоко привезли? — подойдя к забору, спросил Валерыч у стоявшего ближе других Кожебаткина.

— А черт их знает! — тут же распалился Кожебаткин. — Говорят, выезд перекрыли!

— Нет его, выезда, — тихо сказал Никита.

— Я и говорю! — подался к нему Кожебаткин.

От гомонящей толпы дачников то и дело отсоединялась то одна, то другая группка и уходила по дороге к главным воротам. Потом возвращались, растерянные, молодежь гоготала в возбуждении, гул голосов усиливался. Происходило что-то совершенно непонятное.

Валерыч некоторое время колебался — пойти открыть парник с помидорами или все-таки глянуть сначала, из-за чего так взволновались Вьюрки, — и выбрал второе.

Вьюрки, как всякое садовое товарищество, были поделены на несколько улиц с благостными названиями: Лесная, Рябиновая, Вишневая. Улицы впадали одна в другую и имели общий выезд к главным воротам, за которыми уже шла проселочная дорога, и далее трасса, и далее широкий путь к городской цивилизации. Места были живописные: лес, река, маленькая и мутноватая, но зато с плакучими ивами, и с мостками прямо из деревенского детства, и с церковкой на том берегу, на пригорке. И, кроме того, с красноперкой, плотвой и лещами, которых Валерыч успешно ловил на донку, когда хотелось почувствовать себя добытчиком.

О том, что надо бы поставить донку на леща, Валерыч и размышлял, когда вместе с другими дачниками прошел мимо поворота к выезду из Вьюрков. Точнее, мимо места, где поворот прежде существовал.

Потому что теперь его не было.

Валерыч вернулся на десяток шагов и, внимательно смотря по сторонам, снова направился к повороту.

Вот дача Тамары Яковлевны, старушки-кошатницы, которая вечно забывает повернуть вентиль, и вся улица сидит без воды, потому что дача Тамары Яковлевны — последняя перед водокачкой. Вот, собственно, водокачка, за ней должен быть поворот к выезду, дальше еще одна улица, Лесная, — потому что идет мимо общего забора, за которым уже лес...

За водокачкой сразу начиналась улица Лесная, безо всякого поворота. Причем смотрелось это так обычно, так естественно, будто поворота никогда и не было. Домик Тамары Яковлевны — водокачка — синий домик на улице Лесной. Там жило небольшое семейство, Валерыч в лицо их знал, а по именам не помнил. Овчарок держали, одна незаметно сменяла другую, и все звались Найдами...

Какие овчарки, разозлился на свои еще сонные, еще размеренные мысли Валерыч и снова вернулся назад, и снова проделал тот же путь в тупой и требовательной надежде, что поворот все-таки появится, как-то нарастет обратно. Но он не появился. Как будто из окружающего пространства вырезали кусок и снова сшили, да так удачно, что не осталось ни шовчика, ни морщинки. Будто главные ворота, которые было прекрасно видно вот с этого самого места, дачникам причудились.

Голый Валерыч остановился, опираясь на палку. Воздух как назло так и наливался жарой. Валерыч, хоть и намазался еще в даче солнцезащитным кремом, чувствовал, как болезненно стягивается кожа на плечах. У него не было ни кепки, ни воды с собой — это противоречило теории, что все, побывавшее в проклятом месте, мешает. Может, тот самый крем, впитавшийся в кожу вместе с вьюрковским проклятием, и был виноват в том, что по скромному полю с сурепкой, мотыльками и коттеджным поселком на краю Валерыч шел уже часа четыре.

Сначала ведь все уходили в одежде, а то и уезжали на машинах, не подумавши, никакой теории не успев родить. Как тот строитель, безымянный смуглый человек в вечной вязаной шапке, который вместе с двумя-тремя собратями пилил и стучал на одном из участков. Он, сказав что-то протяжное и малопонятное, перемахнул через забор и оказался в лесу, обступавшем Вьюрки. Дачники смотрели на него через ржавую сетку тревожно и молча. Он сделал несколько шагов по мягко пружинящей хвое, наступил с хрустом на пивную банку — лес был вьюрковцами изрядно замусорен, и внезапные помойки возникали в самых неожиданных местах. Дальше начинался малинник, а потом уже тяжело покачивающиеся елки. Строитель посмотрел на дачников и растерянно улыбнулся.

Лес, исхоженный и загаженный, казался совсем темным, и место первопроходец выбрал неудачное, ни одной тропинки не было видно.

— Давай обратно! — крикнул вдруг нервный с похмелья Никита Павлов. — Мало ли! Чего ты полез-то сразу?

Судя по тому, как радостно закивал смуглый человек, он ничего не понял. И пошел прямо через малинник,

путаясь в гибких зеленых ветках. Потом вязаная шапка замелькала в словом сумраке. Потом скрылась за очередным серым от лишайника стволом. Человек растворяется в лесу незаметно — вот шел совсем рядом, с треском продираясь через кусты, и вдруг пропал, и наступила тишина.

Никто, конечно, не остался его ждать у забора. Как раз прикатил на велосипеде, подняв тучу пыли, Антошка Аксенов и протараторил, что «через Тамару Яковлевну» решили не лезть, там тоже лес и не видно ничего, и вообще черт его знает, зато вторые ворота, старые, на месте и все с ними в порядке.

Это были те самые ворота, через которые совершил свой исход голый Валерыч. Ими пользовались раньше, пока до Вьюрков не добралась асфальтовая дорога.

Никогда прежде вид на поле, реку и нелюбимый соседний поселок не вызывал у дачников столько радости и облегчения. Пока прибывавшая толпа вздыхала и делилась друг с другом скудной информацией о происходящем, семейство Аксеновых снаряжало свой джип. Семейство Аксеновых было шумное, спортивное и позитивное, они вечно то в турпоходы ходили, то отправлялись на своем джипе кататься по России и за границам.

— Сейчас разберемся! — зычно выкрикивала тяжелая кнuzu, как груша, Наталья Аксенова. — Сейчас все выясним!

Дачники наперебой давали советы, что Аксеновым делать: доехать до коттеджного поселка и там у кого-нибудь спросить, или ехать до деревни, что подальше, потому что поселок только строится и наверняка там одни гастарбайтеры, что у них узнаешь. Или объехать Вьюрки, найти дорогу до трассы и на трассе у кого-нибудь спросить, или

поискать человека с работающим мобильником и спросить по мобильнику... Что спрашивать — не уточняли, потому что волновавшие дачников вопросы «куда делся поворот» и «что за странные вещи творятся во Вьюрках» звучали пока еще даже для них диковато.

Валерыч мобильником пользовался редко, у него был стариковский, с обычными кнопками и крупными цифрами. Он даже не взял его со стола, когда отправился блуждать по улицам с остальными озадаченными вьюрковцами. И только потом, от тревожно вглядывающегося в свои гаджеты молодняка он узнал, что ни у кого нет ни Сети, ни Интернета. Смартфоны, без которых младшие поколения дачников даже в туалет не ходили, а может, и не знали, как сходить туда правильно без советов из Сети, ослепли и оглохли. Но во Вьюрках такое иногда случалось само собой — Сеть то «сдувало», то «надувало» обратно.

Бодро и шумно Аксеновы вместе с Антошкой загрузились в машину, заляпанную наклейками, и, поревев и побуксовав исключительно для эффекта, покатали по неасфальтированной дороге вдоль реки. На тонированном заднем стекле подпрыгивала надпись «На Берлин!». Вскоре облачко оставленной Аксеновыми пыли только угадывалось вдали. Ехать до соседей было всего ничего, и кто-то особо глазастый даже утверждал, что видит какое-то движение среди игрушечных отсюда коттеджей.

Потом из Вьюрков ушел молчаливый мужик Саня — перелез через забор примерно в том месте, где раньше был поворот, а теперь загадочно темнел лес. Потом — семейство с Лесной улицы, они взяли с собой овчарку Найду: собака, мол, точно выведет, если вдруг заблудятся. Потом выехал к воротам в поле Бероев, но Светка подняла